

Не могъ Янъ отнять у него жизни, и то, что давно уже зарождалось въ его душѣ, что незамѣтно въ ней укрѣплялось и зрѣло, заговорило вдругъ властно и громко.

Этотъ голосъ говорилъ:

„Бѣдное, чудное животное! Какой-то мудрецъ говорилъ, что душа выражается и становится видимой въ тѣлѣ; такъ неужели душа твоя такъ прекрасна, какъ твое дивное, стройное тѣло?.. Долго были мы врагами, я былъ преслѣдователемъ, ты — жертвою; но теперь все перемѣнилось. Мы смотримъ въ глаза другъ другу, мы — дѣти одной матери природы; и если мы не понимаемъ другъ друга въ нашей рѣчи, мы хорошо понимаемъ поступки и чувства наши. Теперь я понимаю тебя, какъ раньше никогда не понималъ; и я увѣренъ, что и ты понимаешь меня. Жизнь твоя въ моихъ рукахъ, но ты уже не боишься меня. Мнѣ рассказывали про одного оленя, который, будучи окруженъ собаками, бросился къ охотнику и искалъ у него защиты, — и охотникъ спасъ его! Такъ и я много дней преслѣдовалъ тебя, а теперь ты можешь безъ страха стоять передо мною. Никогда рука моя не поднимется, чтобъ убить тебя. Мы—братья, прекрасное созданіе, только я старше и сильнѣе тебя. И если бы сила моя могла всегда оберегать тебя, ты никогда не зналъ бы опасности.

„Ступай, безъ страха броди по лѣсистымъ холмамъ, — никогда болѣе не стану я преслѣдовать тебя съ волчьимъ чувствомъ въ груди, съ жестокостью и алчностью дикаго звѣря. Чѣмъ больше я узнаю жизнь, тѣмъ ближе становишься ты мнѣ,